



И.С. Хугаев

## ЧЕСТНОЕ СЛОВО, или РАССКАЗ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ И.С. Хугаев\*

### 1. ЧЕЛОВЕК КАК БАШНЯ

«Все решают кадры»: о чем это?.. Обычно под «кадрами» понимают управленцев и профессионалов. Но верно ли будет утверждать, что они все решают? Почему же у нас столько проблем, и они все множатся? – ведь у нас столько профессионалов и управленцев, и они все множатся?..

Очевидно, следует различать профессиональный и сугубо человеческий, гуманитарный уровни личности. Они соотносятся как надстройка и базис: сначала – человек, потом – профессионал.

Сначала из ребенка делают человека. Эта первая работа делается дома – в семье, а потом – в школе, где ребенок еще и социализируется. В вузах из этих человечков готовят уже профессионалов: затачивают под определенную трудовую деятельность. А в ходе практической взрослой жизни человек получает множество разрозненных познаний, которых чем больше, тем они мельче и случайней.

Человек тоже строится, как башня: в основание кладутся самые тяжелые глыбы, самые крупные понятия: семья, любовь, вера, родина, долг, честь, правда, труд; средние уровни занимает булыжник среднего размера: науки, искусства, ремесла, физическая культура, а ближе к вершине – на уровне, условно говоря, технического чердака, или пентхауса, наблюдается камень помельче: это все частные узкопрофессиональные навыки и специальности вроде франчайзинга и когнитивной фонологии.

Осетины говорят: «Мæсыг йæхи дурæй хæлы» / «Башня будет сокрушена собственным камнем». Но не всяким же собственным камнем будет сокрушена башня. Если отпадет от башни камешек франчайзинга, башня будет стоять по-прежнему, – а если треснет камень чести, башня обречена.

Верно, что «хороший человек – не профессия». Но тем хуже для профессии. Человек лучше профессионала.

Если бы мне прочили в бухгалтеры двух кандидатов, о первом из которых известно только то, что он хороший бухгалтер, а о другом – только то, что он – хороший человек, я выбрал бы в бухгалтеры

хорошего человека. Потому что хороший человек может оказаться и хорошим бухгалтером, а хороший бухгалтер может оказаться подлецом. «Хороший бухгалтер»? – на мой гуманитарный слух, это даже весьма двусмысленная рекомендация. Так и хочется спросить: в каком смысле «хороший» – в человеческом или в бухгалтерском?.. Человек с бухгалтером в явной оппозиции. Но только до тех пор, пока бухгалтер важнее человека.

Мое настоящее и сокровенное убеждение состоит в том, что только хороший человек может стать и по-настоящему хорошим бухгалтером.

### 2. ПОРОЧНЫЙ КРУГ, НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ

Что мы сегодня кладем в основание человека? Сохранили ли мы навыки этого монументального зодчества? Крепкие ли мы ставим башни? Выдержат ли они осаду неприятеля, устоят ли под натиском грядущих бурь?..

Даже совершенно необразованный человек может быть прекрасным воспитателем, и в этом смысле может приближаться к настоящей мудрости, – потому что верное воспитание подсказывается любовью. Любовь и есть единственно законная воспитательница живой души, – и оно-то и страшно, что любовь уходит.

Как погорелец, уходит любовь из обжитых мест. Сначала она ушла с улицы, потом из школ и институтов, теперь уходит из семьи.

На какие мы только не идем хитрости, лишь бы не любить собственных детей. Отделяемся подарками, либеральными послаблениями режима, откупаемся от детей ради своей брэнной и суетной свободы. Ладно бы только это.

Сколько в Интернете роликов, выложенных любящими как будто родителями, на которых запечатлены сцены иезуитски тонких истязаний и растлений! Здесь невинные и кроткие дети матерятся, как сутенеры, еще не понимая смысла слов, но уже постигая гнусную радость преступления; там – кушают запретного пива и получают в зубы зажженную сигарету; там – бьются в истерику, пуская пену ртом,

\* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., ведущий научный сотрудник ВНЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

потому что не хотят делать домашнее задание... И все – с благословения хохочущих родителей; главное, что это нравится маме, и она даже снимает на камеру: мама первая ставит предательский лайк... Кажется, что мамы и папы соревнуются в том, чей ребенок ужасней. Где же тут любовь? – тут чистое тщеславие. У этих мам и пап в качестве наказания надо бы, как минимум, отбирать смартфоны.

Даже родители не любят своих детей, что уж говорить об учителях и профессорах, что они не любят чужих детей! У нас есть уже и такие, что перестали стесняться явно сегрегационных методов: к одним обучаемым – почтительность и опека, отметки и поощрения (не любовь, нет: ведь любовь не купишь), к другим – незаконные санкции и давление. Все верно; чего, в сущности, стесняться? – ведь мы договорились, что образование – это услуга, а за услуги надо платить.

Ладно. Допустим, мы заставим всех исправно платить. Но кто же вырастет из этих детей, первым опытом которых станет то, что все решают деньги? Жрецы Мамоны. Сегодня у нас даже на гуманитарных факультетах воспитывают жрецов Мамоны.

Именно те наши дети, которые не хотят поверить в Мамону, в то, что все решают деньги, дети, которым не услуги нужны, а любовь – и есть наши лучшие дети, – и они-то и жалуются на притеснения и несправедливость.

Чем утешить их?.. Деточки, милые, будьте сильными, держитесь, не отчаивайтесь в нас, взрослых дядя и тетя; теперь страна на перепутье, да что страна! – весь мир на перепутье; все образуется, честное слово...

Я уже говорил, что нам достаточно вырастить два-три поколения хороших детей, и Россия станет первой страной в мире – и на деле первой, и по всем мыслимым показателям первой (коль скоро для кого-то так важны показатели). Проблема в том, что те, кто сегодня призван строить человека, сами зачастую страдают каким-нибудь архитектурным дефектом. Вот, пожалуй, откуда у нас безбашенные дети. Ничего удивительного: человека, известно, только учреждать веселье, а строить – воспитывать – тяжкий труд.

Кажется, с точки зрения христианской этики, мы и учреждаем-то новых людей в силу несовершенства, в силу слабости (в силу той же падкости на веселье); таким образом мы бракуем свою природу и приводим к бытию новые поколения в той законной надежде, что они будут сильнее и лучше нас. Увы: в последние десятилетия эта надежда ничем не обеспечивается к исполнению, и дети у нас все труднее и труднее.

Это настоящий порочный круг, и вырваться из него можно только беспорочным зачатием. Но однажды так уже было, и во второй раз не будет. Надо самим что-то думать. Не овечек клонировать.

Нам позарез нужна гуманитарная революция. Диктатура правописания и гегемония гуманитарности.

Все проблемы, которые угрожают человечеству

моральным разложением и физическим уничтожением, коренятся в гуманитарном поле и могут быть решены только в русле гуманитарного – философского и художественного мышления.

Другого способа решить проблемы бытия, кроме как воспитать человека, способного к их решению, не существует.

### 3. ПРИМАТ ГУМАНИТАРНОСТИ. ТЕОРЕМА ПЕРЕЛЬМАНА

К непорочному зачатию мы не способны, но непорочное воспитание вполне в наших силах. У нас все получится, если воспитание мы будем понимать гуманитарно, а не гастрономически. «Не хлебом единым...» – это о воспитании.

Сегодня везде и во всем торжествуют форма и материя. Эпоха тотального формализма. Бурно развиваются именно те сферы общественной деятельности, которые связаны с материальным производством, те ремесла и искусства, которые связаны с культом телесности. Особенно преуспела современная цивилизация в изготовлении подарочных коробочек. Пустая глянцевая коробочка, перетянутая лентой с роскошным бантиком, голландская непахнущая роза – лучшие эмблемы этого мира и его преобладающего человека. Помните, с каким напряжением и пиететом прислушивались советские люди к новостям из мира шахмат (даже те, которые сами не играли); сегодня нашего воображения хватает в лучшем случае на фигурное катание.

Так вот: у нас все получится, если мы осознаем фундаментальный характер отвлеченных идей. Отвлеченные положительные идеи – это, применительно к нашей башне, и есть монолиты ее основания. Здесь, между прочим, кроется генезис парадокса, на котором построил Платон свой мир теней и который решает основной вопрос философии. Причины материи идеальны. Идеи диктуют судьбу и историю.

Все хотят сделать жизнь технологичной, никто – гуманитарной. Но ведь когда приходит враг, мы жертвуем всем, в том числе предметами материальной культуры, ради того, что идеально, что нельзя потрогать: язык, вера, предание, традиция. Реальными, каменными дворцами мы жертвуем воздушным замкам. Мы выжигаем собственную землю, мы взрываем собственные дворцы и плотины, чтобы спасти для будущих поколений всего лишь сказку и мечту, всего лишь взлелеянное представление о том, что такое этот мир и как в нем следует жить и умирать. Дворцы, плотины и космические корабли – это, хоть милый, но всего лишь прах...

Помните Перельмана?.. Конечно. Урок Перельмана блестящ. Он не только выдающийся математик, он не менее крупный гуманитарий и философ-идеалист. Перельман демонстративно презрел то, что можно положить в карман. Ему было дороже выказать презрение Мамоне, чем принять его ще-

дрый дар. Мамона остался с носом. И со своим миллионом. Удовольствие от этого жеста Перельман оценил выше, чем все удовольствия современного услужливого мира, которые можно купить за миллион. Вот в чем казус Перельмана. Щелкнуть Мамону по носу – ей-богу, это бесценно.

Не доказательство гипотезы Пуанкаре, а отказ от Нобелевской премии (именно доказательство того, что деньги – фальшивка) является главной заслугой Перельмана, его собственной теоремой. Первая заслуга сугубо математическая, вторая – гуманитарная, научно-философская. Первая принадлежит только ученому, вторая – человеку. И в том, что Перельман преуспел дважды, я вижу закономерность. Только человек, способный к такому поступку, мог решить и такую задачу.

Перельман сослужил современной науке большую службу. Он поднял звание ученого на новую моральную высоту. Так, что я чувствую себя его должником. Честное слово. И я знать ничего не хочу о том, существуют ли какие-нибудь обстоятельства, принижающие истинную цену его поступка. Я хочу сохранить этот образ в чистоте.

Мне даже обидно, что он математик, а не филолог. Тогда я, слабый человек, мог бы гордиться им еще сильнее. Увы, филологам таких премий не предлагают, поэтому неизвестно, умеют ли они пре небречь. Но знаете ли, чем я утешен? – тем, что я не обязан понимать высшую математику, а Перельман обязан понимать высшую литературу – и, очевидно, понимает. Лучше иных филологов...

Итак, человек – существо исходно и преимущественно гуманитарное. Я настаиваю на этой тавтологии. Человек есть настолько человек, насколько он свободен от уз материи и связан по рукам и ногам отвлеченными положительными идеалами. Нет вопроса более подлого, чем «если ты умный, почему ты бедный?»

Человек есть настолько человек, насколько он ангел: я готов ответить и за такую формулировку. Все лучшее, что есть в человеке, выражает себя в пристрастии и внимании к нематериальным, идеальным вещам. Именно к тому, что в карман не положишь. Дух не интересуется тем, что можно положить в карман. У него и кармана-то нет. Его интересуется только недвижимостью: вера, правда, красота.

#### 4. ТРИ БЕЗУМЦА

Есть повесть о настоящем человеке, а есть и рассказ о настоящем человеке. На самом деле их, конечно, много, как и повестей, и особенно в советской литературе, но сейчас я говорю о «Честном слове» детского писателя Алексея Пантелеева. Его главный герой – мальчик лет семи-восьми, – и это укрепляет мою аналогию, потому что рассказ примерно настолько меньше повести, насколько мальчик меньше взрослого дяди.

Этого мальчика плачущим застает взрослый

дядя в городском парке и не без труда выясняет причину. Оказывается, другие мальчики, постарше и незнакомые, предложили ему поиграть в войну, а когда тот согласился, они поставили его на часах (охранять «пороховой склад») и, взяв с него честное слово, что он не бросит пост без приказа, убежали.

И чем же отвечает взрослый дядя? Если опустить здесь комментарии рассказчика, которые объясняются жанром детского рассказа, то мы разглядим вполне фантастический сюжет. Вместо того чтобы снисходительно посмеяться, потрепать мальчика за шею, разъяснить положение вещей и отправить его домой, взрослый дядя, усугубляя нелепость положения, начинает валять дурака.

«– Вот так история получилась!.. Что же ты будешь делать?»

– Не знаю (...).

– Ты, наверно, есть хочешь?..

– Да... хочу.

– Ну, вот что... Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут».

Мальчик отвечает дяде, что это, наверное, нелзя, потому что дядя не военный и никак не может снять его с караула, – и тогда дядя бросается вон из сада, бегаёт по темным улицам города, ищет военного. Ищет еще одного безумца, чтобы утроить безумие. Он мог бы сказать военному, когда нашел его: «Третьим будешь?».

Незнакомый майор уже вскочил на подножку трамвая, когда рассказчик схватил его за руку. Майор не сразу понял, в чем дело, но когда понял, у него уже не было вопросов:

«– Идемте, идемте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?»

Как же «не сказали»? Сразу и сказали. Вот дает! Но как это, честное слово, хорошо!..

Вот именно, что вам, товарищ майор, сразу и сказали. Не теряя ни одного лишнего мгновенья, ни одного лишнего слова. Да только вы не сразу поняли. Но это ничего, не расстраивайтесь: ведь и второй безумец не сразу понял первого. Настолько редкой формы было безумие первого. Даже для того времени. Даже для того возраста.

Поспешают, переходя временами на бег, два безумца к третьему – вызволять из-под ига честного слова. Расколдовывать. Чтобы смог домой, к маме бежать.

Здесь три безумца, три артиста, три мистика, три мальчика, три мужа: три настоящих человека.

#### 5. ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Недавно я, задержавшись на светофоре, стал свидетелем короткой и тоже незабываемой, как Перельман или Пантелеев, сцены. Мальчик, примерно пяти лет от роду, сидя на корточках у бордюра и глядя под ноги, спрашивает стоящую рядом молодую женщину:

– Мама, где у червячка сердечко?

Женщина делает к нему шаг, наклоняется, чтобы посмотреть... но тут загорелся зеленый, толпа двинулась, и я не услышал ее ответа.

Тогда я и вспомнил «Честное слово» Пантелеева. Именно гадая о мамином ответе. Ведь вопрос непростой. Я верю, что любовь подскажет маме единственно верный ответ, в котором прозвучит полное сочувствие этой смешной и великолепной фантазии – даже в червяке подозревать сердечность. Например, такой ответ: «Не знаю, сынок. Где-то там, внутри. В середине. Сердце всегда в середине. Сердце и середина – слова одного корня». Тогда можно было бы не сомневаться, что ее мальчик вырастет в крепкую башню. Никогда не раздавит червяка, не пнет котенка, не обидит маму. И другим не даст.

Впрочем, что это я поучаю мам любить своих детей?..

Основополагающий принцип воспитания, принцип человеко-зодчества декларируется рассказом Пантелеева. Принцип поощрения благородных заблуждений. Поощрения всего, что благородно, даже если речь идет о заблуждениях.

Еще раз к метафизической доктрине текста: обнаружена на земле редкой яркости искорка божья, именно в час, когда и случайный ветерок мог погасить ее или ослабить, – и бросились добрые люди, оставив свои дела, на ее спасение, чтобы, упаси господи, не погасла искорка. От сердца подыграли этому наивному заблуждению в человечестве, чтобы иллюзии мальчика оставались пока при нем, чтобы искорка успела разгореться в крепкий костерок, прежде чем ударят по нему настоящие, взрослые ненастья. Тогда и ему будет тепло на земле, и другие будут ходить к нему греться.

Ведь что такое «честное слово»? Оно больше, чем даже правдивое слово. Правдивое слово – это такое слово, которое верно отражает реальность, либо прошлую, либо текущую. А честное слово может отражать и будущее. И в этом смысле оно подобно завету и пророчеству. Честное слово ручается за будущее, – и, ручаясь, творит его. Историю делает тот, кто держит слово. Честное слово больше правдивого. Честное слово – это даже не мое слово: это слово чести, слово того высшего человека во мне, перед которым я трепещу. Он обещает – я должен исполнять.

И вот вопрос: понял ли герой Пантелеева, что его обманули, что над ним посмеялись? – конечно, понял, хоть ему было неприятно в этом себе сознаваться; и тем не менее он держал свое слово. Он с самого начала знал, что это игра («Хочешь играть в войну?..»), но для него война священна не понарошку.

Эти люди, люди честного слова, совершали во все времена подвиги, и когда-нибудь снова наступит эра честного слова. Честное слово. Эра этого безымянного мальчика. Он перерастет рассказ и вступит в повесть, а из повести шагнет в роман. Именно этот плачущий мальчик, а не тот, самодовольно хохочущий за кадром, будет творить историю. Именно первый прикажет второму заступить на пост – и пусть он только попробует послушаться.

Впрочем, и тот, второй мальчик вовсе не обязательно должен хотеть. Тот тоже может стать хорошим человеком, крепкой башней, но этот – точно будет: такова здесь модель мироздания. Мир, нарисованный в рассказе, стоит на честном слове.

И наш мир тоже, если в него вчитаться, на честном слове держится.

В начале было честное слово.

A WORD OF HONOUR or  
A STORY ABOUT A REAL MAN  
I.S. Khugaev

